

Нянковский М.А.

Из главы «Писатель и его книги»

В 1927 году в издательстве «Московский рабочий» произошла встреча двадцатидвухлетнего Шолохова с Евгенией Григорьевной Левицкой, заведующей отделом издательства, которая была старше его на четверть века. Этой встрече суждено было стать началом крепкой дружбы. Левицкая неоднократно помогала Шолохову в трудные минуты его жизни. Шолохов принимал живое участие в ее судьбе и судьбах ее близких. В 1956 году выйдет рассказ Шолохова «Судьба человека» с посвящением: «Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года».

С весны по август 1929 года Шолохов почти не находит времени для занятий литературой, полностью погрузившись в суровые заботы первого года коллективизации.

«Я как-то оторвался и от Москвы, и от работы, и от знакомых и друзей, – писал он Левицкой. – И все это потому, что вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи. Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу побоку!) и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой. ...А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. ...А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали свиньи, скот был весь на одних базах, и все это на глазах у тех, кто ночи недосыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это продельвалось в отношении середняка. ...Надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина, всех, кто лицемерно по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого самого середняка».

И далее в приписке от 2 июля:

«О себе что же? Не работаю. Уезжаю завтра в Ростов. Подавлен. Все опротивело. В Москву не поеду до осени».

Копия письма, из которого взяты эти строки, была передана Левицкой Сталину, так как, по ее мнению, это письмо имело важное политическое значение.

Летом 1929 года прозвучала и еще одна оценка романа. 9 июля в письме старому революционеру Феликсу Кону Сталин писал:

«Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?»

Правда, письмо это, по-видимому, не было известно Шолохову.

В апреле 1931 года писатель встретился с возвратившимся на родину Горьким и передал ему рукопись шестой части «Тихого Дона». В письме к Фадееву Горький высказался за публикацию книги, хотя, по его мнению, «она доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут». По просьбе Шолохова Горький, прочитав рукопись, передал ее Сталину. В июле 1931 года на даче Горького состоялась встреча Шолохова со Сталиным. Несмотря на то что Сталина явно не устраивали многие страницы романа (например излишне «мягкое» описание генерала Корнилова), в заключение беседы он твердо сказал: «Третью книгу “Тихого Дона” печатать будем!»

С января по сентябрь 1932 года параллельно с выходом «Тихого Дона» в журнале «Новый мир» публикуется первая книга «Поднятой целины». Автор встретил серьезное сопротивление со стороны редакции, которая потребовала изъять главы о раскулачивании. И Шолохов в очередной раз прибегнул к помощи Сталина, который, прочитав рукопись, дал указание: «Роман надо печатать».

В 1932 году Шолохов вступил в ВКП(б). Начатую работу над второй книгой «Поднятой целины» временно пришлось отложить, чтобы завершить четвертую книгу «Тихого Дона». Однако жизнь вновь нарушила творческие планы писателя — наступил страшный «голодомор» 1933 года. Шолохов стремился сделать все, чтобы помочь выжить своим землякам. Понимая, что справиться с надвигающейся катастрофой голода местному руководству не под силу, Шолохов обращается к Сталину с письмом, в котором на пятнадцати страницах рисует ужасающую картину:

«Т. Сталин! Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями».

Писатель приводит примеры преступных действий властей, выколачивающих у голодных крестьян «излишки» хлеба:

«В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел их к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос... В Ващемском колхозе колхозницам обливали ноги и подола керосином, зажигали, а потом тушили: “Скажешь, где яма? Опять подожгу!”... В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков... В Солонцевском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом».

Подобных примеров в письме немало. Приводит Шолохов и цифры:

«Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца».

Сталин, чьи директивы так рьяно выполняли местные хлебозаготовители, тем не менее не преминул откликнуться на письмо 28-летнего писателя:

«Ваше письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру. Сталин. 16.IV.33 г.».

Ободренный тем, что его письмо не осталось без внимания, Шолохов пишет Сталину снова и не только сообщает цифру, которой оценивал потребность Вешенского и Верхне-Донского районов в хлебе, но и продолжает открывать вождю глаза на произвол, творимый в колхозах, и на его виновников, которых видел не только среди низового руководства. Сталин отвечает телеграммой, в которой сообщает, что кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи вешенцы получают дополнительно восемьдесят тысяч пудов, Верхне-Донскому району отпускается сорок тысяч. Однако в написанном затем письме Шолохову «вождь» упрекает писателя в одностороннем понимании событий, в том, что он видит в хлеботорбах исключительно жертв и оставляет без внимания факты саботажа с их стороны.

Только после тяжелейшего 1933 года у Шолохова наконец-то появляется возможность закончить четвертую книгу «Тихого Дона». Седьмая часть романа была опубликована в «Новом мире» в конце 1937 — начале 1938 года, заключительная, появилась во втором и третьем номере «Нового мира» за 1940 год. В следующем году роман впервые вышел целиком отдельным изданием. К этому времени автор уже был избран депутатом Верховного Совета СССР (1937) и действительным членом Академии наук СССР (1939).

Позиция, которую занял Шолохов в 1930-е годы, свидетельствует о гражданском мужестве писателя. В 1937 году он встал на защиту содержащихся на Лубянке руководителей Вешенского района, обратился к Сталину, добился встречи с арестованным секретарем райкома Петром Луговым. Усилия Шолохова не пропали даром: руководители района были освобождены и восстановлены в своих должностях. В 1938 году он вступился за арестованного И. Клейменова, зятя Левицкой, бывшего сотрудника советского торгпредства в Берлине, специалиста по ракетной технике, одного из создателей легендар-

ной «катюши». Писатель лично встретился с Берия, однако к моменту их встречи Клейменов был уже расстрелян. В 1955 году М. Шолохов направил в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС письмо, в котором указывал на необходимость реабилитации Клейменова. Стараниями Шолохова была освобождена из заключения жена Клейменова, дочь Левицкой, Маргарита Константиновна. Вступался Шолохов и за находящихся в лагере сына писателя А. Платонова и сына Анны Ахматовой Льва Гумилева, способствовал выходу в свет сборника самой Ахматовой (он вышел в 1940 году после восемнадцатилетнего вынужденного молчания поэтессы) и предлагал выдвинуть его на Учрежденную в ту пору Сталинскую премию. И все это несмотря на то, что и над ним самим постоянно сгущались тучи. Еще в 1931 году на квартире Горького всеильный в то время Г. Ягода сказал писателю: *«Миша, а все-таки вы контрик! Ваш «Тихий Дон» белым ближе, чем нам!»* Судя по анонимным письмам, полученным секретарем райкома П. Луговым и самим Шолоховым, в 1938 году местные чекисты пытались угрозами заставить арестованных ими людей дать показания против Шолохова. Руководители Ростовского НКВД поручили секретарю парторганизации Новочеркасского индустриального института Ивану Погорелову изобличить Шолохова как врага, готовящего восстание донских, кубанских и терских казаков против советской власти. Честный человек, в прошлом бесстрашный разведчик, Погорелов принял решение спасти Шолохова и сообщил ему и Луговому о данном ему задании. По совету Погорелова Шолохов отправился в Москву к Сталину. Прибыл туда тайно и сам Погорелов. В кабинете Сталина, в присутствии своих покровителей из Ростовского НКВД он разоблачил их, предъявив в качестве вещественного доказательства записку с адресом конспиративной квартиры, написанную рукой одного из ростовских чекистов. В такой нелегкой ситуации, балансируя между свободой и угрозой физического уничтожения, пришлось Шолохову работать над последней книгой «Тихого Дона».

После выхода заключительных глав казачьей эпопеи автор был выдвинут на соискание Сталинской премии. В ноябре 1940 года состоялось обсуждение романа в комитете по Сталинским премиям.

«Все мы, – заявил тогда Александр Фадеев, – обижены концом произведения в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца: а Шолохов привел любимого героя к моральному опустошению».

Ему вторил кинорежиссер Александр Довженко:

«Я прочитал книгу “Тихий Дон” с чувством глубокой внутренней неудовлетворенности... Суммируются впечатления следующим образом: жил веками тихий Дон, жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахучий, устоявшийся, теплый быт. Пришла революция, советская власть, большевики — разорили тихий Дон, разогнали, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену, довели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу, погнали сильных, темпераментных людей в бандиты... и на этом дело кончилось. Это огромная ошибка в замысле автора».

«Книга “Тихий Дон” вызвала и восторги, и огорчения среди читателей, – отметил Алексей Толстой. – Конец “Тихого Дона” — замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка... Григорий не должен уйти из литературы как бандит. Это неверно по отношению к народу и к революции».

Несмотря на негативные отзывы авторитетных деятелей культуры, в марте 1941 года Шолохову была присуждена Сталинская премия I степени за роман «Тихий Дон». На второй день Великой Отечественной войны писатель перечислил свою премию в Фонд обороны.

В июле 1941 года Шолохов, полковой комиссар запаса, был призван в армию, направлен на фронт, работал в Совинформбюро, был специальным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте. В январе 1942 получил серьезную контузию при неудачной

посадке самолета на аэродроме в Куйбышеве, которая давала о себе знать на протяжении всей жизни.

Весной 1942 года появился рассказ Шолохова «Наука ненависти», в котором писатель создал образ героя, побывавшего в плену, несмотря на то что еще 16 августа 1941 года вышел приказ Ставки Верховного Главнокомандующего № 270, который приравнивал пленных к предателям.

6 июля Шолохов приехал в Вешенскую, а через два дня немецкая авиация совершила налет на станицу. Одна из авиабомб попала во двор шолоховского дома, и на глазах писателя погибла его мать. Свой домашний архив Шолохов осенью 1941 года сдал на хранение в районный отдел НКВД, чтобы его в случае необходимости вывезли вместе с документами отдела, однако, когда в 1942 немецкие войска стремительно вышли к Дону, местные организации спешно эвакуировались, и архив писателя, в том числе рукописи «Тихого Дона» и еще не напечатанной второй книги «Поднятой целины», был потерян. Только одну папку рукописей казачьей эпопеи сохранил и вернул писателю командир танковой бригады, оборонявшей Вешенскую.

Деятельность писателя в грозные военные годы была оценена советским правительством: в сентябре 1945 года писатель был награжден орденом Отечественной войны I степени.

В том же году вышел в свет 12 том собрания сочинений Сталина, в котором впервые было опубликовано уже упоминавшееся письмо Ф. Кону, где говорилось о грубых ошибках, допущенных автором «Тихого Дона». Публикация этого документа могла в те времена быть расценена редакторами как запрет на переиздание романа. Шолохов обратился к Сталину с письмом, в котором просил объяснить, в чем состоят эти ошибки. Ответа на письмо не последовало. После длительного ожидания Шолохов попросил Сталина о личной встрече. Встреча эта несколько раз откладывалась, а когда наконец за Шолоховым прислали машину, чтобы отвезти его в Кремль, писатель велел шоферу заехать в Гранд-отель, где заказал ужин. На напоминание о том, что его ждет Сталин, Шолохов ответил, что он ждал дольше, и не поехал на встречу. С тех пор отношения со Сталиным были прерваны, и в Москве до самой смерти вождя Шолохов больше не появлялся.

И хотя «Тихий Дон» продолжал издаваться, по-видимому, именно упоминание Сталина о «грубейших ошибках» Шолохова позволило редактору Гослитиздата К. Потопову подвергнуть роман беспрецедентной цензурной правке. В издании 1953 года из романа бесследно исчезли целые фрагменты, касающиеся, например, идейных суждений Бунчука и Листницкого, изображения генерала Корнилова, Штокмана, отношений Бунчука и Анны Погудко, характеристики создаваемой в Ростове Добровольческой армии и т. п. Помимо купюр, редактор позволил себе искажения авторского языка, заменив колоритные шолоховские диалектизмы нейтральными общеупотребительными словами, и даже сделал собственные дополнения к тексту романа, среди которых — и упоминания о Сталине.